

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭПИЧЕСКИХ АНТРОПОНИМОВ ВИЛЮЙСКОГО РЕГИОНА

В данной статье предпринимается попытка сравнительного анализа эпических антропонимов (собственных имен) на материале репертуара олонхосутов Виллюйского региона Якутии. Всего выявлено 103 эпических имени олонхо Верхневиллюйского (52) и Виллюйского улусов (51). Сравнительному анализу подвергаются 23 эпических антропонима, предварительно классифицированные по признаку распространения и бытования на региональном и локальном уровнях. На карте Якутии установлены ареалы бытования известных олонхо об Эр Соготохе, Эриэдэл Бэргэн, Кюн Эрили, Ого Тулаайах, Кыыс Джуурайа и др. Предположение академика П. А. Слепцова о том, что сущность олонхо имеет глубокие истоки в монголоязычном мире, в данной статье о собственных именах олонхо Верхневиллюйского и Виллюйского улусов находит свое подтверждение, т. к. нами установлено, что в составе компонентов эпических антропонимов выявлены лексемы, имеющие прямые лексико-семантические параллели в монгольских языках, и в количественном отношении имеют солидное превосходство над тюркскими языками. Однако для соответствующего исследования необходимы более тщательные и глубокие этимологические экскурсы тех или иных устойчивых и архаичных компонентов собственных имен олонхо.

Ключевые слова: олонхо, якутский эпос, эпические антропонимы, собственные имена, эпические имена, региональные эпические традиции, локальные эпические традиции, этимология, компоненты-лексемы, лексико-семантические параллели.

R. N. Anisimov

Comparative analysis of epic anthroponyms of Vilyuisky region

The article attempts a comparative analysis of epic anthroponyms (personal names) based on the repertoire of olonkhosuts of Vilyuisky region of Yakutia. We found out total 103 epic names of olonkho in Verkhnevilyuisky (52) and Vilyuisky (51) districts. 23 epic anthroponyms previously classified on the basis of distribution and existence of the regional and local levels are subjected to comparative analysis. The area of existence of known olonkho of Er Sogotokh, Eriedel Bergen, Kyun Eriili, Ogo Tulaayakh, Kyys Djuuraya and others are installed in Yakutia map. The suggestion of Academician P. A. Sleptsov that nature of olonkho has deep roots in Mongolian world, is confirmed in the article of personal names of olonkho in Verkhnevilyuisky and Vilyuisky districts, as we have found that tokens with direct lexical-semantic parallels in the Mongolian languages are revealed in composition of the components of epic anthroponyms, and in quantitative terms have a solid advantage over the Turkic languages. However more detailed and deeper etymological excursus of various stable and archaic components of olonkho personal names are necessary for relevant research.

Keywords: olonkho, Yakut epos, epic anthroponyms, personal names, regional epic traditions, local epic traditions, etymology, token-components, lexical-semantic parallels.

Введение

Олонхо дарит прекрасную возможность трансформировать эпическое наследие якутов из сферы интересов специалиста в плоскость обращения тяги к своим истокам. Эпосу уготована судьбой особая роль – сохранить наследие наших предков для потомков, преподнести в дар современному поколению сочный эпический язык, в котором скрыты нравственный и воспитательный потенциал, общечеловеческие духовные ценности, философский смысл жизни человека в целом, которые трудно переоценить.

АНИСИМОВ Руслан Николаевич – зам. директора НИИ Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова.

ANISIMOV Ruslan Nikolaevich – Deputy Director of Scientific Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov NEFU.

В достижении этой особой миссии Институтом Олонхо начата работа над фундаментальным трудом «Энциклопедия Олонхо», где будут отражены основные систематизированные знания об якутском героическом эпосе Олонхо, в т. ч. будут включены антропонимы (эпические имена героев) олонхо.

Эпическим антропонимам якутского эпоса посвящена диссертация Н. И. Филипповой, где впервые в якутском языке дана комплексная лингвистическая характеристика собственных имен персонажей олонхо. Как отмечено автором в исследовании, антропонимы олонхо имеют особую структуру, отражающую историю народа, его социальные отношения, самобытную культуру, эстетические и этические воззрения. Они имеют свою упорядоченную иерархию, правила наречения и пространственно-временное воплощение [1, с. 5].

Н. И. Филиппова установила 203 имени персонажей олонхо, зарегистрированных в словаре Э. К. Пекарского. Это имена богатырей *айыы* и *абаасы*, жителей трех миров, различных духов и небожителей. Однако в большинстве случаев имена даны без определения значения, ограничиваясь пояснениями – быллинный герой, имя сказочного героя, имя *абаасы* в былинах, женское имя и т. д. [1, с. 8].

Вместе с тем Н. В. Емельяновым был составлен словарь персонажей олонхо, где включен материал из эпических имен 75 сюжетов якутских олонхо. Лингвофольклорист В. М. Никифоров предлагает продолжить начатую работу фольклориста Н. В. Емельянова созданием полного *Именника* – перечня имен положительных и отрицательных персонажей [2, с. 19].

Работы по языку олонхо Э. К. Пекарского, Н. В. Емельянова, П. А. Слепцова, Н. И. Филипповой, Л. Л. Габышевой и др. послужат главным фундаментом и серьезным подспорьем в составлении «Энциклопедии Олонхо». Ведь, как правило, энциклопедическое издание создается на базе научных достижений своего времени, на определенном историческом витке развития науки и знания. Однако, как верно подмечено ученым-энциклопедистом У. Г. Саитовым, создание региональных тематических энциклопедий невозможно без серьезных научных исследований [3, с. 8].

Поэтому, в частности, структуру и семантику антропонимов олонхо необходимо исследовать с применением сравнительно-исторического подхода, который позволяет исследователю учесть те сложные моменты, которые в позициях современного якутского языка не поддаются глубокому анализу. Только сравнивая с родственными языками, мы имеем возможность понять и определить те исторические процессы, которые происходили в зарождении олонхо. Как отметил академик П. А. Слепцов, одним из лексических единиц, которые обладают большой информативностью в решении вопроса генезиса олонхо, являются собственные имена олонхо [4, с. 332].

В контексте сравнительно-исторического изучения якутского эпоса олонхо весомым опытом работы являются монографии В. М. Никифорова [2, 5], где исследователем сделаны первые серьезные попытки изучить генезисные предпосылки якутского эпоса на основе сравнительно-исторического анализа эпических имен, выделены стадии эволюции эпической традиции, позволяющие установить связь между эпическим временем сказаний и историческим фактом.

Цель данной статьи – выявить основной корпус эпических антропонимов (собственных имен), зафиксированных в репертуаре олонхостутов Верхневилуйского и Вилуйского улусов, и на материале выявленного материала провести сравнительный анализ.

Так, всего выявлено 103 эпических имени олонхо Верхневилуйского (52) и Вилуйского улусов (51). Источником исследования послужили в основном приложения из монографии А. А. Кузьминой «Олонхо Вилуйского региона» [6] и полевые материалы, хранящиеся в Информационной базе НИИ Олонхо СВФУ.

В данной статье сравнительному анализу подвергаются 23 эпических антропонима, предварительно классифицированные по признаку распространения и бытования, исходя из положения, что «фольклорная традиционная культура в своем наполнении всегда региональна и локальна» [7, с. 156].

Антропонимы, распространенные в вилуйской, центральной, северной эпических традициях

«Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох» («Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соботох»)

В 1938-1939 гг. во время Вилуйской фольклорно-диалектологической экспедиции С. И. Боло записал у олонхосута из Быраканского наслега Верхневилуйского улуса И. Г. Иванова

тексты якутских благопожеланий *алгыс*, шаманских камланий [8, с. 152]. Также он заполнил анкету олонхосута, где в репертуаре И. Г. Иванова были отмечены 14 названий олонхо [9, с. 131]. К сожалению, ни одно из этих олонхо И. Г. Иванова не было записано.

В этом списке встречается эпическое имя *Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох* (букв. Много-страдальный Муж Одинокий), который является одним из наиболее популярных богатырей якутского эпоса с архаичной семантикой. Якутское слово *эр* ‘муж, мужчина’ параллелен с древнетюркским *эр* ‘муж, мужчина; герой, богатырь’ [10, с. 175; 11, с. 99]. Якутская лексема *сого-тох* ‘одинокий, единственный’ по фоноструктуре имеет близость с древнетюркскими словами *йалбуз*, *йануз*, *дыангыс* в том же значении [12, т. 8, с. 493].

Как отмечает Н. В. Емельянов, *Эр Соготох* был известен вилюйским якутам и якутам Красноярского края, его знают также и долганы. Сказания об Эр Соготохе распространены среди якутов повсеместно [13, с. 3]. Среди олонхосутов рассматриваемого региона данное олонхо встречается еще у других сказителей (у Ф. Н. Тимофеева – Бизчэрэ, Оросунский наслег Верхневилюйского улуса, Т. П. Гоголева – Доропуун, Мастахский наслег Вилюйского улуса и др.).

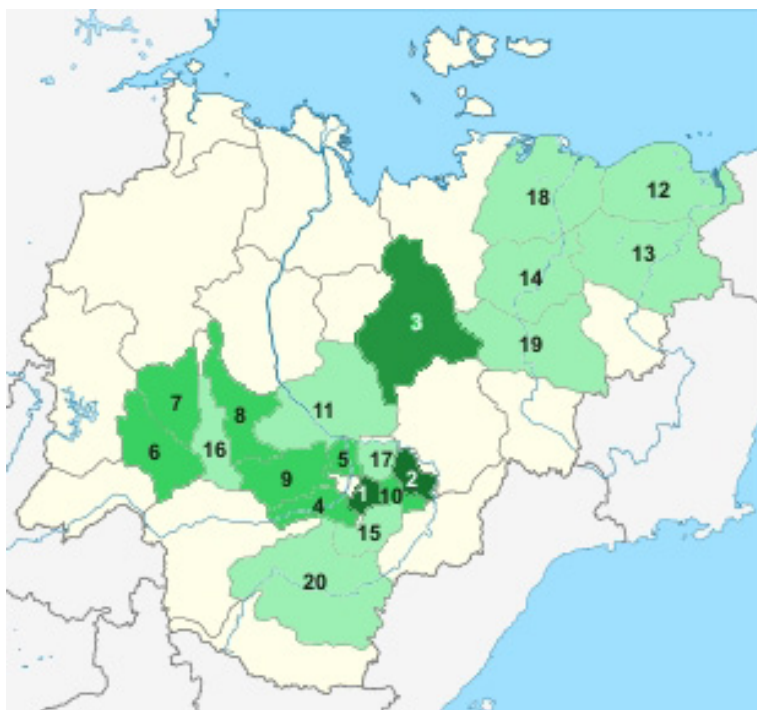

Рис. 1. Исполнители олонхо «Одинокий Муж Эр Соготох» в Якутии

Примечание: 1. Мегино-Кангаласский район – Н. А. Абрамов – Кынат, И. И. Беляев – Төлөбүр, И. И. Бурнашев – Тонг Суорун, П. П. Бурнашев – Кылыс Байбал, Н. Ф. Дмитриев, К. Н. Зыков – Кётөр Кэстөкүөн, М. Н. Куприянов – Балаган Уола Миисэ, И. И. Попов, М. Е. Порядина – Баданг Маарыйа, Г. Н. Свинобоев – Хабыанна, Г. Н. Свинобоев – Ырыа Кириисэ, П. И. Скрябин – Аппайа, Е. И. Соловьев – Эмис Мёрёөх, Е. П. Яковлев. 2. Таттинский район – И. М. Давыдов – Дарыбыан, Е. Ф. Дедюкин – Ырыа Дөгюөннук, М. П. Жерготов, Н. П. Киялпиров – Килээпир Ньюкулай, А. И. Кириллова – Чонгоот Уйбаан Кыыса, И. Ф. Манчурин – Мэккюөн, А. Ф. Петров, К. Ф. Филатов, С. Р. Филатов. 3. Верхоянский район – М. Н. Горохов – Муойа, Е. Р. Горохов – Сытыкый, Д. А. Томская – Чаайка, И. Н. Потапов, А. И. Томская – Момоор, Р. С. Слепцов, П. Стручкова, Е. Г. Горохов – Чомогой. 4. Хангаласский район – Е. Копылов – Балыынгка Дьөгюөр, П. Г. Ефремов – Тогус Байбал, И. Н. Неустроев, М. И. Саввин – Ботуойа, М. И. Саввин – Чолбон, Тустуу Ёлөксөй. 5. Намский район – Бачы Баһылай – Василий, П. Л. Колесов, Я. Пестряков, А. И. Сивцев – Дьиинбэ Бытык, К. В. Сивцев – Тойон Мурун, Сэмэс Дайыла. 6. Сунтарский район – Я. С. Васильев – Тага Уола Ырдьянг Дьаакып, К. Л. Кириллин – Дьёөкүюу Куонаан, П. Л. Кириллин – Кубагай Куонаан, К. М. Максимов – Сиэдэрэй Силипиэн, М. Максимов. 7. Нюрбинский район – И. В. Егоров – Кырыан, А. Ф. Мухоплев – Буотта, Никифор – Дьүөддьэй, И. В. Федоров – Кэмпизт Уйбаан. 8. Вилюйский

район – Б. Алексеев, А. С. Васильев – Хоохура, Т. П. Гоголев – Олонхосут Доропуун, С. Еремеев – Дэдэгэс, В. О. Каратаев, С. Н. Каратаев – Дыгыяр. 9. Горный район – П. К. Жирков – Ёрёёх Бюётюр, В. М. Потапов – Мэскэй, Г. Д. Семенов – Кёлгён, Сутурук Микииппэр, Чёсөнёёт Ёлэксэй. 10. Чурапчинский район – Г. Г. Иустинов / Устинов – Ньогуйаан Уола Олонхосут Киргизлэй, Н. П. Местников – Ньоодьуска Уола, И. Т. Трофимов – Сулумаата Уола, А. П. Трофимов – Кёнгдэй Ёлэксэй. 11. Кобяйский район – Буккаанньыр, И. А. Николаев – Куогас, Н. Г. Павлов – Чёмёкё. 12. Нижнеколымский район – К. В. Винокуров, С. Д. Волков, П. Н. Жирков. 13. Среднеколымский район – Н. А. Винокуров, П. Н. Назаров, И. В. Окочешников. 14. Абыйский район – Н. Ильяхов, Г. Ф. Никулин – Хабытга, К. И. Чирков. 15. Амгинский район – И. С. Скрыбыкин, Н. С. Скрыбыкин, Кёгёччёр Уола Бюётюр. 16. Верхневиллойский район – Ф. Н. Тимофеев – Биэчэрэ, И. Г. Иванов. 17. Усть-Алданский район – П. А. Охлопков – Наара Суох. 18. Аллаиховский район – И. Н. Ефимов. 19. Момский район – Д. М. Слепцов. 20. Алданский район – А. Прокопьев.

В НИИ Олонхо СВФУ создана информационная база олонхосутов, где зафиксированы основные сведения о жизни и творчестве сказителей, и охватывает период с XVII по XX вв. Используя данную базу, можно проследить ареал распространения известных олонхо, в т. ч. и сказания об *Эр Соготохе*, эпическом родоначальнике племени *ураангхай саха*. На первой карте (рис. 1) обозначили районы (улусы) Якутии с именами олонхосутов, у которых в репертуаре имелось данное олонхо.

Как отметил академик А. П. Окладников, образ прародителя якутов Эр Соготох «является в глазах олонхосута первым человеком на земле, таким же, как Адам библейского сказания, но с той разницей, что образ библейского героя соответствует более поздней эпохе, когда возникает уже понятие человечества как целого, обнимающего все народы, а Эр Соготох якутского эпоса относится еще к тому этапу, когда понятие «человек» или, точнее, «настоящий человек» ограничивается только пределами собственного рода и племени» [14, с. 23].

В вилюйской эпической традиции существует вариант олонхо «Эр Соготох» под названием «Модун Эр Соготох», который по содержанию и развитию считается вилюйской версией сказаний о родоначальниках племени *ураангхай саха*.

Эпическое имя *Модун Эр Соготох*, соответственно, встречается в репертуарах олонхосутов Вилюйского, Кобяйского, Горного улусов, которые по своей территории являются соседними: А. С. Васильев – Хоохура, Т. П. Гоголев – Доропуун, С. Еремеев – Дэдэгэс, В. О. Каратаев (Вилюйский улус), Н. Г. Павлов – Чёмёкё (Куокуйский наслег Кобяйский улус), Чёсөнёёт Ёлэксэй, П. Л. Колесов (Горный улус).

Интересно заметить, что личное имя героя-прародителя Эр Соготох в других улусах Вилюйского региона (Верхневиллойский, Нюрбинский, Сунтарский) используется с эпитетом *Эрэдэ-эх-буруйдаах* (букв. Многострадальный), без эпитета *Модун*.

Так, эпитет *модун* имеет два основных значения: 1. ‘обладающий большой силой, мощный’; 2. ‘отличающийся силой и твердостью духа, с несгибаемой волей к достижению чего-либо’. Якутское прилагательное *модун* сопоставляется с монг. *модун* ‘дерево’ [12, т. 6., с. 277].

«Эриэдэл Бэргэн»

В репертуаре олонхосута И. Г. Иванова (Быраканский наслег Верхневиллойского улуса) имеется отдельное олонхо «Эр Соготох Эриэдэл Бэргэн», где общеизвестное эпическое имя *Эр Соготох* совмещено с не менее устойчивым и древним антропонимом олонхо *Эриэдэл Бэргэн*. Соединение двух отдельных эпических имен предков *Эр Соготох* и *Эриэдэл(л) Бэргэн* в имя одного персонажа встречается также в репертуаре верхоянского олонхосута А. Н. Томской – Момоор «Эриэдэ Бэргэн Эр Соготох», жившей в местности Осохтоох Верхоянского округа в конце XVIII в. [15, с. 52].

Как замечает Н. И. Филиппова, эпическое имя *Эриэдэл Бэргэн* относится к кругу имен богатырей *айыы*, в которых трудно выявить их семантику с позиций современного состояния якутского языка [1, с. 74]. В словаре Пекарского «*Эриэдэл Бэргэн* имя сказочного богатыря» [16, стб. 746] зафиксировано без этимологических и семантических справок.

Но вместе с тем лингвофольклорист В. М. Никифоров в своей монографии [2, с. 60] в комментариях к тексту олонхо «Эриэдэл Бэргэн», записанного и опубликованного А. Ф. Миддендорфом в 1878 г., раскрывает семантику *эриэдэл* как ‘вспыльчивый’ без должной интерпретации

и анализа. Лексема *бэргэн*, соответственно, ‘меткий стрелок’, «широко распространенный во всех тюрко-монгольских эпосах показатель богатства» [1, с. 86].

Одноименное олонхо «Эриэдэл Бэргэн» встречается также в репертуаре у другого олонхосута В. Г. Степанова – Суор Басылай, жившего в местности Ыйбылас Сургулуковского наслега в конце XIX и начале XX вв., и в соседнем Вилюйском улусе у известного олонхосута С. Н. Каратаева – Дыгыйар. На следующей карте (рис. 2) показана распространенность в центральной (таттинской, усть-алданской, мегинской) и северной эпических традициях (верхоянской).

Рис. 2. Исполнители олонхо «Эриэдэл Бэргэн» в Якутии

Примечание: 1. Чурапчинский район – Г. А. Слепцов, А. В. Тимофеев, И. Г. Тимофеев-Теплоухов. 2. Усть-Алданский район – А. Охлопков – Омуос, П. А. Охлопков – Наара Суох. 3. Таттинский район – Н. Т. Болторин – Ыраах Ньукулай, С. Д. Догороев – Чыбахы Ойуун. 4. Верхневиллюйский район – В. Г. Степанов – Суор Басылай, И. Г. Иванов. 5. Верхоянский район – А. Н. Томский, А. И. Томский – Мо-моор. 6. Вилюйский район – С. Н. Каратаев – Дыгыйар. 7. Мегино-Кангаласский район – М. Е. Порядина – Баданг Маарыйа.

Имя персонажа Эриэдэл Бэргэн богатыря *айыы* встречается либо упоминается во многих эпических сказаниях: в северной (булунской) сказительской традиции (С. М. Неустроева «Илэ Хара и Ала Хара»), в усть-алданской – в олонхо Н. П. Бурнашева «Кыыс Дэбэлийэ», в чурапчинской – И. Г. Тимофеева-Теплоухова «Эрэбил Бэргэн», в амгинской – олонхо Н. С. Скрыбыкина «Эрэдээх-буруйдаах Эр Соготох».

«Бэриэт Бэргэн»

В репертуаре верхневиллюйского олонхосута И. Г. Иванова (Быраканский наслег Верхневиллюйского улуса) значится одноименное олонхо «Бэриэт Бэргэн», которое является распространённым эпическим сказанием преимущественно в центральной и вилюйской локальных эпических традициях (рис. 3). Якутское слово *бэриэт*, по-видимому, позаимствовано от русского ‘перед, вперед’ [16, стб. 746], и имя главного героя олонхо переводится как «Вперед Меткий» [17, с. 344].

Рис. 3. Исполнители олонхо «Бэриэт Бэргэн» в Якутии

Примечание: 1. Таттинский район – И. В. Слепцов – Сэрэбиэйдьит Лэгэнтэй, Ёймөкөөн Ёлөксөй, А. Д. Попов, Ф. Ф. Неустроев – Сьюкэ Сьюэдэр, И. И. Алексеев – Тусалыыр Уйбаан, И. И. Алексеев, И. И. Алексеев – Тусалыыр Лэгэнтэй, М. И. Алексеев – Тусалыыр Мэхээлэ, И. В. Андросов – Солко Уйбаан, С. Е. Андросов – Куохтаан, Н. Т. Болторин – Ыраах Ньюкулай, Д. Е. Егоров – Миэлингэсит Ойуун. 2. Нюрбинский район – Е. Н. Степанов – Мэчиргэ, С. С. Семенов – Дырбыкы, А. Д. Илестяров – Илестээр, Е. Е. Иванов, А. И. Иванов, Н. И. Тихонов, Н. В. Васильев – Халымыр Хоносо, А. Д. Данилов – Мырбык, И. В. Федоров – Кэмпит Уйбаан, Г. Д. Егоров – Хабыкка. 3. Горный район – М. М. Семенова-Потапова – Ыдагар Кыыса С. И. Максимов – Чокуур Сааба, П. Л. Колесов, Н. М. Захаров – Холуодьус, С. Г. Алексеев – Уустарабыс. 4. Мегино-Кангаласский район – В. Ф. Федоров – Манчаары, П. Ф. Петров – Тымтык, А. Д. Порядин, А. С. Порядин, Е. Е. Порядин – Багыйык, И. И. Бурнашев – Тонг Суорун, Н. И. Степанов – Нороой. 5. Вилюйский район – Т. П. Гоголев – Олонхосут Доропуун, Н. Т. Окошкин, А. Н. Николаев, С. Еремеев – Дэдэгэс. 6. Сунтарский район – Т. А. Аммосов – Багыр Тэрэппиин, С. Г. Егоров – Сэлэр Сэмэн, Е. П. Егорова. 7. Хангаласский район – М. И. Саввин – Ботуойа, М. И. Саввин – Чолбон, Е. И. Кардашевский. 8. Усть-Алданский район – П. А. Охлопков – Наара Суох, Н. Белолобский – Микичээнэп, С. Н. Ушницкий. 9. Верхневилуйский район – И. Г. Иванов, Ф. Н. Тимофеев – Бизчэрэ. 10. Амгинский район – М. Е. Новиков – Мэлээх Мэхээлэ, Т. В. Захаров – Чээбий. 11. Намский район – А. С. Попов. 12. Чурапчинский район – И. Я. Говоров – Сыгынык. 13. Кобяйский район – Н. Г. Павлов – Чөмөкө.

Как видно из карты, олонхо «Бэриэт Бэргэн» главным образом был распространен в центральных улусах Якутии среди олонхосотов таттинской и мегинской эпических традиций, а в вилюйской группе улусов – среди олонхосотов Горного, Вилюйского и Нюрбинского улусов. Также *Бэриэт Бэргэн* является часто встречаемым в различных олонхо эпизодическим персонажем, по материалам Н. В. Емельянова, он назван в 9 сюжетах олонхо [16, с. 344].

«Кюн Эрили бухатыыр» («Кун Эрили бухатыыр»)

Олонхо «Кюн Эрили бухатыыр» было известно в репертуаре олонхосута Ф. Н. Тимофеева – Бизчэрэ (Оросунский наслег Верхневилуйского улуса). В рассматриваемом репертуаре олонхосотов Вилюйского улуса не зафиксировано. Однако олонхо «Кюн Эрили бухатыыр» исполнялось олонхосутами соседнего Нюрбинского улуса (А. М. Герасимов – Тутум Охоноосой, И. Н. Гуляев – Хачаччы Баанньата, В. Н. Яковлев – Туттуукап и др.)

Как известно, эпическое сказание «Кюн Эрили бухатыр» бытовало в центральной и вилюйской эпических традициях, также было известно в репертуаре олонхосутов, живших в северо-восточной части Якутии – в Верхоянском и Оймяконском улусах (рис. 4).

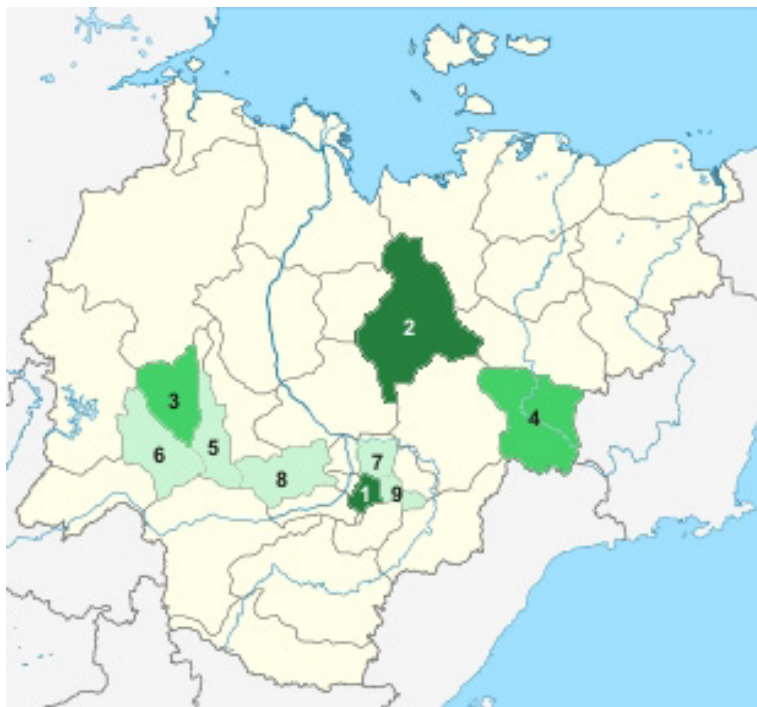

Рис. 4. Исполнители олонхо «Кюн Эрили» в Якутии

Примечание: 1. Мегино-Кангаласский район – В. Ф. Федоров – Манчаары, И. И. Беляев – Тёлёбюр, Н. Ф. Дмитриев, Г. С. Кычкин – Хабыанна, И. М. Макаров – Сырааннаах, М. В. Свинобоев – Ыккыча, Н. И. Степанов – Ноорой. 2. Нюрбинский район – А. М. Герасимов – Тутум Охоносоой, И. Н. Гуляев – Хачаччы Баанньата, В. Н. Яковлев – Туттуукап. 3. Верхоянский район – Куоркуур Мэхээлэ, И. Т. Горохов – Адырыын, К. А. Попов, Г. Н. Слепцов – Уйгурдаанап, Р. Васильев. 4. Оймяконский район – Н. П. Атласов – Дардай, Е. А. Слепцов. 5. Верхневилуйский район – Ф. Н. Тимофеев – Биэчэрэ. 6. Сунтарский район – И. Г. Петров – Сырааннаах. 7. Усть-Алданский район – П. М. Пухов – Боко Борокуоппай. 8. Горный район – Н. М. Тарасов. 9. Чурапчинский район – Хойтосун.

Так, имя главного героя *Эрили* образовано от корневой основы *эр* ‘муж, мужчина’ с присоединением имяобразующего аффикса + (*и*)*ли* = *эрили*. Часть имени *Кун* ‘солнце, солнечный’ используется, как правило, в именах положительных персонажей – героев и героинь племени *айыы*, родоначальников *ураанхай саха*, а также в именах небесных удаганок и сынов неба.

«Ого Тулаайах бухатыр» («Оҕо Тулаайах бухатыр»)

С. И. Боло в анкете олонхосута И. Г. Иванова (Быраканский наслег Верхневилуйского улуса) записал название одного из распространенных олонхо в якутской эпике «Ого Тулаайах бухатыр». Эпическое имя героя *Ого Тулаайах* (Сирота-Ребенок) фиксируется в репертуаре олонхосутов северного, центрального, вилюйского эпических традиций. Как видно на карте (рис. 5), олонхо «Ого Тулаайах бухатыр» имеет широкий ареал бытования в таких улусах, как Таттинский, Верхневилуйский, Нюрбинский, Вилюйский, Усть-Алданский.

Якутская лексема *ого* ‘дитя, ребенок’ имеет прямую лексическую параллель с тюрк. *чаҕа* ‘маленький мальчик, ребенок, дитя’ [16, стб. 1779], также с монг. *өкин* и с халх. *охин* ‘дочь, девочка, ребёнок’ [12, т. 7, с. 204]. Вместе с тем в современных тюркских языках наиболее распространенной формой обозначения ‘дитя, ребенок’ являются лексемы **bala* и **bebe* [18, с. 307], которые по фоноструктурному признаку не имеют лексическую параллель в якутском языке.

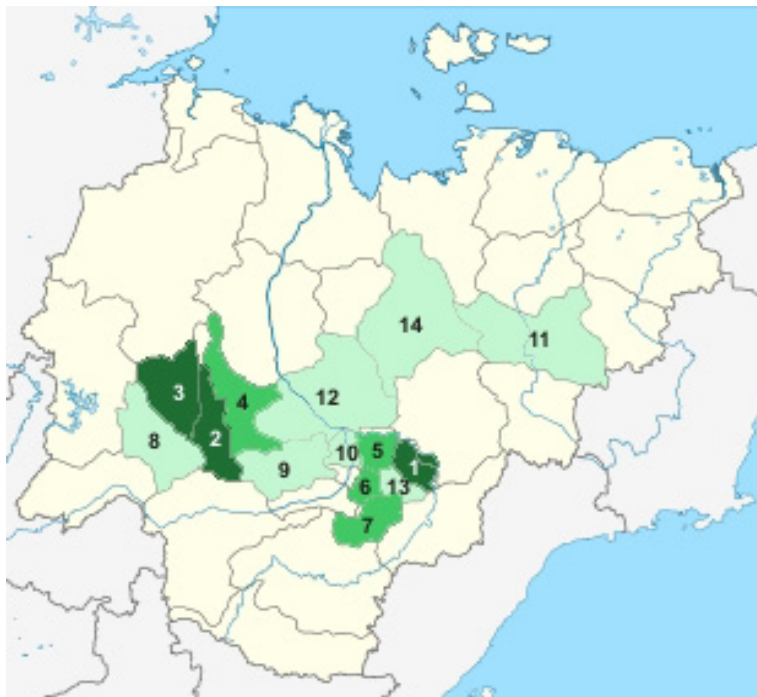

Рис. 5. Исполнители олонхо «Ого Тулайайах» в Якутии

Примечание: 1. Таттинский район – И. Е. Малгынов – Кётьюёхэ Ойуун, Н. И. Малгынов – Кётьюёхэ Ойуун Уола, И. П. Постников, С. Р. Филатов, Д. С. Бястинов – Бытыгый Уус, Г. Г. Малгин, И. Никуюков – Кююдэн Уйбаан, И. М. Давыдов – Дарыбыан, Е. М. Егоров – Миинэ Уола Дёгьюёссэ, М. П. Жерготов. 2. Верхневилуйский район – Ф. И. Суханов, И. Г. Иванов, Д. В. Кысылбаиков, С. И. Сангыях. 3. Нюрбинский район – И. С. Федоров – Бёлтөөсөп, В. И. Чарпыков – Бэсэлэй Басылай, С. И. Алексеев – Халлаанай, Д. И. Иванов – Чуохасын. 4. Вилуйский район – В. О. Каратаев, С. Д. Павлов – Мэнгкэ, Т. П. Гоголев – Олонхосут Доропуун. 5. Усть-Алданский район – И. Ф. Аргунов, Т. И. Васильев – Олонхосут Тиэхээн. 6. Мегино-Кангаласский район – С. Н. Кириллин – Элэгэс, И. Яковлев. 7. Амгинский район – К. Л. Яковлев, Г. К. Васильев. 8. Сунтарский район – А. П. Амвросьев – Тойуктаах Омуруоска. 9. Горный район – П. Л. Колесов. 10. Намский район – Н. Прядезников. 11. Момский район – Д. М. Слепцов. 12. Кобяйский район – Н. Г. Павлов – Чёмёкё. 13. Чурапчинский район – И. Г. Тимофеев-Теплоухов. 14. Верхоянский район – А. В. Аммосов – Атасынныа.

Лексическая единица *тулайайах* ‘сирота’ в якутском языке находит параллель с древнетюрк. *тул* ‘вдова, овдовевший’, с тув. *дулгуюк* ‘вдова, вдовец’ [12, т. 11, с. 204], с чув. *тулук* ‘сирота, вдова’ [16, стб. 2800].

«Аджы-Буджу бухатыыр» («Адьы-Будьу бухатыыр»)

В 1939 г. фольклористом А. А. Саввиним была составлена анкета олонхосута Ф. Н. Тимофеева – Биэчэрэ, жившего на правом берегу реки Вилуй, в Оросунском наслеге Верхневилуйского улуса. В этой анкете находим название одного из архаичных олонхо якутской эпикки «Аджы-Буджу бухатыыр».

В известных нам сюжетах герой Аджы-Буджу является часто встречаемым, одним из главных действующих персонажей якутского эпоса, сыном верховного небожителя *Юрюнг Айыы Тойона*, спущенным им в Срединный солнечный мир. По предположению С. Е. Малова, семантика имени *Аджы-Буджу* сопоставима с санскритским *raja Bhoja* – ‘птица Гаруда’, которая, вероятно, указывает на непосредственное влияние на якутскую эпическую словесность со стороны монголоязычных этносов [19, с. 3].

Персонаж Аджы-Буджу встречается в ранних текстах олонхо: в «Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох», опубликованном В. Л. Приклонским, где он фигурирует как бездействующий

богатырь, зять главного героя; в олонхо «Ёлбёт Бэргэн=Бессмертный Витязь» Н. Т. Абрамова, где Аджы-Буджу – действующий герой, богатырь *айыы*, сын чистого, божественного неба, третий противник богатыря *айыы* Ого Тулаайах.

В якутской эпической традиции с именем богатыря *айыы* Аджы-Буджу существовали одноименные олонхо. Например, «Айыы сиэнэ Аджы-Буджу=Внук божества Аджы-Буджу», которое в отрывочном варианте было записано у усть-алданского олонхосута И. И. Говорова. Текст сюжета олонхо И. И. Говорова хранится в частном архиве им. И. В. Пухова, который сейчас находится в Литературном музее имени П. А. Ойунского (г. Якутск).

Личное имя *Аджы-Буджу* богатыря *айыы* встречается либо упоминается во многих эпических сказаниях: в северной (аллаиховской, момской) сказительской традиции (И. Н. Ефимова «Сиджи Босхонг бухатыыр», Д. М. Слепцова «Кётёр Мюлгюн»), в мегинской – олонхо в записи А. С. Порядина «Юрюнг Юёдойээн», в намской – Е. Г. Охлопкова «Алантай Боотур», в вилойской – олонхо И. М. Харитоновна – Саахардаах Дьуона «Кулдус Бёгё».

«Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр» («Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр»)

Одноименное олонхо «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр» было записано Н. А. Габышевым в 1944 г. со слов олонхосута Н. Н. Рожина (Чокурдахский наслег, Аллаиховский улус). А. Н. Данилова на основе сюжетной и функциональной характеристики образов женщин-богатырок в якутских олонхо выявила три основных сюжетных типа: родоначальница, воительница, жена. Записанное олонхо «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр» отнесено к типу олонхо о женщинах-богатырках воительницах [20, с. 63].

Якутская лексическая единица *кыыс* ‘девушка, девушка, дочь’ восходит к пратюркскому **quz* в том же значении. Эпитет *кыыдааннаах* ‘суровая’ употребляется применительно только к женщине-богатырке *Кыыс бухатыыр*. Несомненно, он образован художественным приемом аллитерации, который часто используется при организации имен собственных в олонхо.

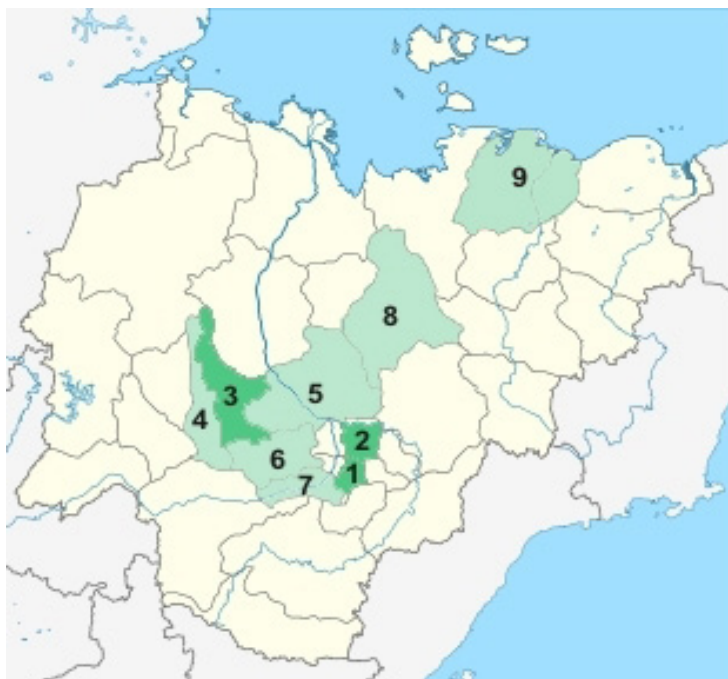

Рис. 6. Исполнители олонхо «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр» в Якутии

Примечание: 1. Мегино-Кангаласский улус – И. И. Алексеев, П. П. Алексеев – Маастар, П. П. Слепцов. 2. Усть-Алданский улус – Борисов (Колесов), Охлопков П. А. – Наара Суох. 3. Вилойский улус – Б. Алексеев, С. Еремеев – Дэдэгэс. 4. Верхневиллойский улус – В. Г. Степанов – Суор Басылай. 5. Кобяйский улус – Бааска Олонхосут. 6. Горный улус – П. К. Жирков – Ёрөөх Бюётюр. 7. Хангаласский улус – Е. И. Кардашевский. 8. Верхоянский улус – М. Н. Горохов – Муойа. 9. Аллаиховский улус – Н. Н. Рожин.

Как показано на карте (рис. 6), олонхо «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр» бытовало в трех эпических традициях: в центральной (в репертуаре мегинских олонхосутов – И. И. Алексеева, П. П. Алексеева – Маастар, П. П. Слепцова; в репертуаре усть-алданских олонхосутов – Борисова (Колесова), П. А. Охлопкова – Наара Суох; в репертуаре хангаласского олонхосута Е. И. Кардашевского и др.), в вилюйской (в репертуаре вилюйского олонхосута Б. Алексеева, С. Еремеева – Дэдэгэс; в репертуаре верхневилуйского олонхосута В. Г. Степанова – Суор Басыллай), в северной (в репертуаре верхоянского олонхосута М. Н. Горохова – Муойа).

Антропнимы, распространенные в вилюйской и центральной эпических традициях

«Джиэрбэнг Бёгё» («Дьээрбэн Бёбө»)

В 1939 г. фольклорист А. А. Саввин записал эпическое имя собственное *Дьээрбэнг Бёгё* в анкете олонхосута Ф. Н. Тимофеева – Биэчэрэ (Оросунский наслег, Верхневилуйский улус). Антропоним *дьээрбэнг*, возможно, образован от образного глагола *дьээрбэннээ* ‘ходить, быстро, держась очень прямо (о высоком, худощавом человеке)’ [21, т. 3, с. 378].

Личное имя богатыря *айыы Дьээрбэнг Бёгё* встречается в репертуарах, преимущественно, у сказителей центральной эпической традиции: в чурапчинской (М. М. Дьяконов – Чорообо, Н. М. Дьяконов – Чёлёс), намской и западно-хангаласской (ныне Горный улус) (П. К. Жирков – Ёрөөх Бюётюр, П. Л. Колесов, К. В. Сивцев – Тойон Мурун, Маппый). А также был известен среди олекминских олонхосутов, у таких как Бабай, М. Т. Шараборин – Кумаарап.

«Кыыс Джуурайа бухатыыр» («Кыыс Дьуурайа бухатыыр»)

В репертуаре И. Г. Иванова (Быраканский наслег Верхневилуйского улуса) значится олонхо «Кыыс Джуурайа бухатыыр», которое относится к типам олонхо о женщинах-богатырках, воинственных девах. Также женское эпическое имя *Кыыс Джуурайа бухатыыр* встречается в репертуаре у олонхосутов нюрбинской и мегинской локальной местности. Так, по данным П. Н. Дмитриева, в народной исторической памяти сохранились сведения о том, что одноименное олонхо «Кыыс Джуурайа Куо» в середине XIX в. сказывал национальный герой саха В. Ф. Федоров – Манчаары. Эта информация вполне имеет место быть подлинным, т. к. олонхо «Кыыс Джуурайа Куо» широко бытовало в конце XIX и в начале XX вв. в мегинской эпической традиции (эпическое сказание значилось в репертуаре олонхосутов Г. Е. Слободчикова – Куттай из с. Хара, П. Ф. Петрова – Тымтык из с. Нерюктая, С. Н. Кириллина – Элэгэс из с. Тарагай) [22, с. 9].

Одноименное олонхо «Кыыс Джуурайа Бухатыыр» было записано Н. В. Емельяновым, Г. В. Федоровым со слов Г. В. Дуякова, олонхосута из Хорулинского наслега Нюрбинского улуса. Эпосовед А. Н. Данилова на основе сюжетной и функциональной характеристики образа *Кыыс Джуурайа бухатыыр* определила, что данное олонхо относится к сюжетному типу женщине-богатырки – жены [20, с. 63].

Основное имя героини *Джуурайа*, возможно, образовано от образного глагола *дьурай* – ‘вытягиваться, выпрямляться’ [16, стб. 720].

«Юрюнг Кыыртай бухатыыр» («Үрүҥ Кыыртай бухатыыр»)

В репертуаре олонхосута Ф. И. Суханова из села Быракан Верхневилуйского улуса зафиксировано олонхо «Юрюнг Кыыртай бухатыыр». Так, личное имя героя олонхо образовано от якутского слова *кыырт* ‘сокол, ястреб’ с прибавлением имяобразующего аффикса *-тай*.

Якутская лексема-орнитоним *кыырт* ‘сокол, ястреб’ восходит к общетюркскому **kart-у-* [18, с. 169]. Якутский эпитет *үрүҥ* ‘белый’ имеет прямую лексическую параллель с древнетюркским *үрүҥ*, *йүрүҥ* в этом же значении [12, т. 12, с. 541]. Как отмечает Н. И. Филиппова, эпитет *үрүҥ* ‘белый’ присоединяется только к именам племени *айыы*, как верхнего, так и среднего мира, но в большинстве случаев – спущенным с Верхнего мира героям [1, с. 63].

Эпическое имя *Кыыртай* обнаруживается в локальных эпических традициях Вилюйского региона в целом, а также в Намском, Кобяйском, Горном, Усть-Алданском районах. При этом демонстрируются различные структурные модели личных имен, состоящие из нескольких компонентов. Используется эпитеты *көмүс* ‘золотой’, *хара* ‘черный’, *ытык* ‘уважаемый’ и др. Также в структуре названия личных имен героев олонхо могут употребляться без показателя богатырства. Например, *Хара Кыыртай* ‘Черный Сокол’.

«Бэйбэлджин Тулаайах» («Бэйбэлдын Тулаайах»)

Эпическое имя *Бэйбэлдын*, видимо, образовано от образного глагола *бэйбэй* ‘быть, казаться низкорослым, коротконогим и пушистым’ [20, с. 837] с присоединением имяобразующего аффикса *-лдын*. Как отмечает Н. И. Филиппова, аффикс *-лдый*, образующий видовую форму образных глаголов с раздельно-кратным, ритмично-повторяющимся значением, возможно, заимствован из монгольского *-lza/ -lze* [1, с. 37].

Одноименное олонхо «*Бэйбэлдын Тулаайах*» встречается в репертуаре известных олонхосутов Вилюйского улуса С. Н. Каратаева – Дыгыйар и А. П. Трофимова – Бёдьёнг, живших в конце XIX и в начале XX вв., также у олонхосута Ф. С. Семенова – Кырса, родившегося в Вилюйском улусе, но жившего в Лючюнском наслеге Кобяйского улуса.

Также эпическое имя *Бэйбэлдын Тулаайах* фиксируется в локальных эпических традициях Сунтарского, Горного, Таттинского улусов.

«Сыралыма Куо»

Эпическое женское имя *Сыралыма*, видимо, образовано от слова *сырал* ‘сияние, теплота от солнечных лучей, от костра’ [17, с. 358] с прибавлением имяобразующего аффикса *-ыма*. Иногда наблюдается присоединение второго аффикса *-н* = *Сырал+ыма+н*. Якутский компонент *сырал* имеет лексико-семантическую параллель с бур. *сарул*, монг. *сарабул* в значении ‘светлый, ясный’ [16, стб. 2478].

Личное имя *Сыралыма* / *Сыралыман* часто встречается в олонхо центральной эпической традиции: «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского – Бэдьээлэ (Намский улус), «Неспотыкающийся Мюлдью Бёгё» Д. М. Говорова (Усть-Алданский улус), «Нюргун Боотур Стремительный» Г. Е. Слободчикова – Тэлээркэ, «Юрюнг Юёдьюээн» А. С. Порядина (Мегино-Кангаласский улус) и др.

Одноименные олонхо с компонентом *Сыралыма* встречаются в репертуаре известного мегинского олонхосута Н. И. Степанова – Ноорой, также у потомственного современного олонхосута из Вилюйского улуса М. С. Щадрина – Чурукунай Мэхээлэ.

Антропонимы, распространенные в локальной вилюйской и верхневилуёйской эпических традициях

«Мунг Саар бухатыыр» / «Тонг Саар Бухатыыр» («Мунг Саар бухатыыр» / «Тонг Саар Бухатыыр»)

Олонхо «*Мунг Саар бухатыыр*» зафиксировано в репертуаре олонхосута Ф. Н. Тимофеева – Биэчэрэ (Оросунский наслег Верхневилуёйского улуса), «*Тонг Саар Бухатыыр*» в репертуаре С. Н. Каратаева – Дыгыйар (с. Мастах, Вилюйский улус).

Эпическое имя *Саар* в якутском языке Э. К. Пекарский считает русским заимствованием от *Царь*. Однако там же привел прямую параллель с османского (турецкого) языка *чар* ‘царь’ [16, стб. 2094]. Вместе с тем Г. В. Ксенофонов приводит древнюю семантику слова *саар* как ‘рабочий бык, вол’. Он весьма убедительно раскрывает семантику компонента *саар*, который в составе якутской фразеологической единицы *сахса саара, ураанхай буура* переводится дословно ‘то же, что у саха вол, а у урянхайцев олень-самец’ [23, 180]. Поэтому, нужно заметить, что в будущем при описании семантики эпических антропонимов необходимы более детальные этимологические экскурсы, требующие глубокого историко-сравнительного анализа тех или иных компонентов.

Интересно отметить, что с компонентом *саар* организованы названия олонхо преимущественно только Вилюйского региона: *Харалта Саар бухатыыр, Саар Гудай бухатыыр* (Сунтарский улус), *Кырандабыыс Саар ыраахтаабы* (Нюрбинский улус) и др.

В современном якутском языке лексема *мунг* переводится как ‘сильное физическое или душевное страдание, мука’ [12, т. 6, с. 342]. В личном имени героя *Мунг Саар бухатыыр* компонент *Мунг* состоит в позиции эпитета, потому, возможно, прямая семантическая параллель с монг. *мунг* ‘богатый, изобильный’ [16, стб. 1626] вполне может раскрыть семантику имени персонажа как ‘Богатый Царь богатырь’.

А первая часть имени главного героя олонхо С. Н. Каратаева – Дыгыйар *Тонг Саар Тойон* обычно переводится как ‘мерзлый’. В. М. Никифоров, используя «методику обратного

экстраполирования от производных слов для восстановления первоначального смысла», проводит весьма экстраординарный экскурс по поводу семантики слова *тонг*. В итоге которого он раскрывает семантику слова *тонг* как ‘грозный, недоступный, гордый (человек)’ и ‘сильный, герой’ [5, с. 81-83].

«*Хараджыктай Мохсогол*» («*Харадьыктай Мохсобол*»)

У вилюйского олонхосута М. С. Шадрина – Чуруканай Мэхээлэ, жившего в середине XX в., в репертуаре значится олонхо с архаичным названием «Харадьыктай Мохсобол». Близкое по фоноструктуре эпическое имя героя *Харадьыал Мохсогол* ‘Черный Сокол’ находим в словаре Пекарского [16, стб. 3335]. Личное имя персонажа *Харадьыктай* образовано от *харадьык* + имяобразующий аффикс *-тай*. Тут вызывает интерес семантика слова *харадьык*, которое в словаре Пекарского переведено как ‘пригорок, показавшийся из-под снега’ [16, стб. 3335] (в современном якутском языке *харалдьык* ‘проталина’). Якутское слово *харадьык* имеет лексико-семантическую параллель с монгольским именем прилагательным *харашиц* ‘черноватый’. Так, возможно, перевод Пекарского эпического имени героя *Харадьыал Мохсогол* как ‘Черный Сокол’ имеет тесную семантическую связь с вышеуказанным эпическим антропонимом и является его фонетическим вариантом произношения.

Эпическое имя с компонентом *Харадьык* обнаруживается в соседних Кобяйском и Нюрбинском улусах, но в отличие от вилюйского варианта показателем богатейства представлен слово *Бэргэн* – *Харадьык Бэргэн* (олонхосуты Кобяйского улуса К. Левин, Н. Г. Павлов – Чёмёкё), фонетический вариант *Харадьа Бэргэн* (олонхосут из Жарханского наслега Нюрбинского улуса В. Митяева – Харага Суох).

В ходе исследования также нами выявлены эпические антропонимы, присущие только локальной вилюйской и верхневилульской эпической традиции. Например, собственное имя *Угаар Бэргэн*, которое обнаружено в репертуаре олонхосута из Тогусского наслега Вилюйского улуса С. Еремеева – Дэдэгэс, также у олонхосута из Оросунского наслега Верхневилульского улуса Д. В. Кысылбаикова.

Эпическое имя *Дьэриэмэ Бэгэ / Бэргэн* установлено у тех же олонхосутов Д. В. Кысылбаикова и С. Еремеева – Дэдэгэс и у известного вилюйского олонхосута Т. П. Гоголева – Доропуун. На данном этапе этимологию собственных имен *Угаар* и *Дьэриэмэ* нами установить не удалось.

Антропонимы, распространенные в локальной верхневилульской эпической традиции

«*Кёр Буурай бухатыыр*» («*Көр Буурай бухатыыр*»)

Одним из первых верхневилульских олонхо, вошедших в научный оборот в трудах якутских эпосоведов И. В. Пухова, Н. В. Емельянова, В. В. Илларионова, является эпический текст «*Кёр Буурай бухатыыр*». Это олонхо было записано из уст олонхосута Н. С. Александрова – Ынта Никиитэ (Дюллокинский наслег). Эпос имеет два варианта записи: первая запись была осуществлена сельским учителем Г. Н. Тороповым в 1925 г., вторая запись сделана к. ф.-м. н. И. Н. Григорьевым в 1941 г.

Эпическое имя героя *Кёр Буурай бухатыыр* состоит по типу структурной модели ЭИП – эпитет~имя~показатель. Тут вызывает интерес семантика имени главного героя олонхо *Буурай*. В словаре Пекарского [16, стб. 565] под словом *Буурай* приведены два значения: 1. ‘удалой, удалец, грубый’, обозначающий качественную характеристику лица; 2. от русск. *бурый*, обозначающий наименования цвета и масти. Как установлено Н. И. Филипповой, эпитет *буурай* присоединяется к именам отрицательных персонажей *абаасы* как женского, так и мужского пола, а также к именам грозных божеств, семантика которых более связана с наименованием масти. Так, ею сделан вывод о том, что первое значение слова *Буурай* ‘удалой, удалец, грубый’, обозначающий качественную характеристику лица, не подходит к именам женского пола и духа, видимо, исходя из того положения, что характерная черта ‘удальство, безудержная лихость, грубость’, в большей степени, присуща персонажам мужского пола [1, с. 65]

Однако нами выявлено, что с компонентом *Буурай* образуются эпические имена положительных главных героев олонхо, богатырей *айыы*, например, тот же нами рассматриваемый богатырь *айыы Кёр Буурай* и другие богатыри Срединного мира – *Кёнгюл Буурай*, *Далла Буурай*, *Кюскэнг Буурай* и др. [24, с. 4].

Поэтому, видимо, компонент *буурай* в образовании личных имен эпических персонажей используется и в значении ‘удалой, удалец, грубый’, дабы подчеркнуть неистовый характер и крутой нрав героев положительных и отрицательных, так и в значении ‘бурый’, наименовании масти, характеризующий физический облик образов племени *абаасы* Нижнего сумрачного мира.

По поводу этимологии якутской лексемы *буурай*, по фоноструктурному признаку на первый взгляд можно посчитать, что она является русским заимствованием. Однако в «Словаре тюркизмов в русском языке», вышедшем в 1976 г. в Алма-Ате под редакцией академика А. Н. Кононова, авторами считается, что русское прилагательное *бурый* является заимствованием из тюркских языков. Этому мнению также придерживались В. В. Радлов, Э. Беркнер, И. Огиенко [25, с. 65]. В ходе первичного исследования устанавливаются возможные монгольские параллели якутской лексемы *буурай* // халх., бур. *буурал* ‘седой, чалый (о масти)’ [18, с. 606], монг. *bürüj* [25, с. 65]. Таким образом, фоноструктура и семантика якутского компонента *буурай* в составе личных имен требует тщательного этимологического экскурса.

«Тимир Дьохсойуоха бухатыыр» («Тимир Дьохсойуоха бухатыыр»)

Данное олонхо установлено в репертуаре олонхосута из Быраканского наслега И. Г. Иванова. Эпическое имя *Дьохсойуоха* образовано, видимо, от образного глагола *дьохсой* ‘принимать воинственный вид, горячиться, петушиться’ [21, т. 3, с. 419]. Якутская лексема *дьохсой* имеет лексико-семантическую параллель с бур. *зохсо* в том же значении. Как установлено ранее, в олонхо эпитет *Тимир* ‘железный’ употребляется только в именах племени *абаасы* как мужского, так и женского пола [1, с. 66].

Однако, как показывает наш материал, в олонхо с эпитетом *тимир* ‘железный’ наделялись также богатыри племени *айыы*. Например, богатырь *айыы* Тимир Абыдал из олонхо «Тонг Саар Тойон» С. Н. Каратаева – Дыгыйар (Вилуйский улус), богатырь *айыы* Тимир Бизчэстэр из олонхо «Дьэирбэк Бэргэн» К. В. Сивцева – Мурун (Намский улус), богатырь *айыы* Тимир Лэкэ-эттиир из олонхо «Ньургун Боотур» Н. Н. Шестакова – Суутта (Намский улус).

Как известно, в тюрко-монгольских эпосах тюркское *темир*, *төмир*, монгольское *темур* являются именем и добрых богатырей: *Темюр Бюс* ‘Железный Пояс’ – сын Неба в монголо-ойротском эпосе «Дайни Кюрюль»; *Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Темюр-Зебе* ‘Воздушное-Холодное-Синее-Железное-Острие’ – главный герой в монголо-ойротском эпосе того же названия, витязь [1, с. 66-67].

«Босхонг Джулаарый бухатыыр» («Босхонг Дьулаарый бухатыыр»)

В репертуаре верхневилуйского сказителя И. Г. Иванова (Быраканский наслег) обозначено название олонхо «Босхонг Джулаарый бухатыыр», которое по набору компонентов в структуре личных имен героев олонхо не находит у других эпических традиций как локальных, так и региональных. Поэтому, можно полагать, что эпический антропоним *Босхонг Джулаарый* встречается только в данной локальной местности. Эпическое имя героя *Дьулаарый*, возможно, происходит от глагольной основы *дьулаарый* – ‘стремиться’ [16, стб. 858]. Однако эпитет имени героя *Босхонг* ‘больной, калека’ считается устойчивой и архаичной словоформой в якутской эпике.

В олонхо довольно часто встречаются сюжеты с мотивом уродства при рождении главного героя (карлик, калека, невероятный урод, недоносок, немой, глухой). Как отмечает Л. Н. Семенова, в сюжетном разнообразии олонхо наблюдается особое пристрастие якутского эпоса к героям, имеющим физические отклонения, недостатки [26, с. 148]. Так, в якутской эпической традиции широко распространены эпические имена героев с компонентом *Босхонг* ‘больной, калека’. Например, *Сиджинг Босхонг* (Аллаиховский улус), *Аарай Босхонг бухатыыр* (Таттинский улус), *Мюльдэю Босхонг* (Кобяйский, Таттинский улусы), *Оттой Босхонг* (Горный улус), *Босхонг Болуот бухатыыр* (Нюрбинский улус), *Босхонг Дуолан Бухатыыр* (Олекминский улус) и др.

Также известно, что в конце XIX в. у верхоянского якута было записано олонхо «*Боско*» политссылным Е. И. Борисовым (по правке И. В. Пухова правильным должно быть «*Босхонг*») («*Босхонг*» – «Калека») [27, с. 182], рукопись которого вышла в печать в 1883 г. в «Очерках Северо-Западной Монголии» под редакцией Г. Н. Потанина. Таким образом, эпическое имя с компонентом *Босхонг* ‘больной, калека’ является устойчивым и архаичным антропонимом в якутской эпике.

Якутскую лексическую единицу *босхон* ‘больной, калека’ Э. К. Пекарский возводит к *босхо* ‘свободный; слабо держащийся, расслабленный’, который имеет прямую лексико-семантическую параллель с общетюркским *бош* ‘пустой, свободный, слабый’.

Наряду с этим Ст. Калужинский якут. *босхон* сравнивает с кирг. *бошон* ‘слабый, расслабленный’, *боштук* ‘слабость’; *боштоо* ‘слабоватый’, которые производны от общего корня *бош* [28, с. 149]. Вместе с тем общетюркская лексема **бош* имеет семантику ‘слабый, вялый, немощный’ в ряде тюркских языков уйгурской группы и тюркских языков ареальной общности Саяно-Алтая. Общетюркская лексема **бош* исторически имеет как атрибутивные, так и субстантивные значения [29, с. 204]. Таким образом, якутская лексема *босхон* образован от *босхо* ‘свободный; слабо держащийся, расслабленный’ и имеет тесную семантическую связь с общетюркской лексемой **бош*.

«Воспитанный медведем и волком Элик Бэргэн»
(«Эһэлээх бөрө шипит уола Элик Бэргэн»)

Эпическое имя «Воспитанный медведем и волком Элик Бэргэн» записан С. И. Боло в репертуаре олонхосута из Быраканского наслега Верхневилуйского улуса И. Г. Иванова.

Оно вызывает интерес среди исследователей не только своим необычным эпитетом «Воспитанный медведем и волком», но и именем главного героя.

Эпическое имя *Элик* встречается как в центральной, так и в северной эпической традиции. Но довольно часто встречается в локальной таттинской эпической традиции: «*Элик* Боотур, Ныгыл Боотур икки» (олонхосуты Н. Т. Абрамов, Р. Александров – Алаача уола и др.). Также имеется олонхо «*Эр бэрдэ Эликтэй Баатыр*» у Г. Ф. Гуляева, уроженца II Кангаласского наслега Среднеколымского улуса.

В языке олонхо часто встречается устойчивая фраза *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* – ‘молодец из молодцов, удалец из удалцов’, в которой интерес вызывает семантика компонента *элик*. В якутском языке слово *элик* имеет два значения: первое ‘скорый, быстрый, проворный’. Второе значение слова в словаре Э. К. Пекарского обозначено как ‘чубарый олень’ [16, стб. 248]. В Диалектологическом словаре якутского языка зафиксировано значение ‘косуля’, встречающееся в Амгинском и Горном районах [30, с. 319], аналогичное *туртас*.

Слово *элик* в значении животного встречается в локальных эпических текстах и в других диалектах. Так, эта лексема присутствует в тексте олонхо «Елбёт Бэргэн», записанного в Жулейском наслеге Ботурусского улуса (ныне Таттинского) Р. Александровым в 1886 г. [31, с. 17].

Слово **элик* общетюркского происхождения. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова мы находим *элик* ‘косуля’ [32, с. 815], в тув. языке *элик* ‘косуля’ [33, с. 441], в хак. *элик* ‘дикая коза’ [34, с. 1055]. А. М. Щербак под *элик* подводит значение трех разновидностей млекопитающих: ‘дикая степная коза’, ‘косуля’, ‘антилопа’ [35, с. 120]. Соответственно, якутский *элик* это ‘чубарый олень’ и ‘косуля’, оба из семейства парнокопытных млекопитающих оленевых. Все животные, обозначаемые словом *элик* в тюркских языках, отличаются своей грациозностью, быстротой и проворностью. Можно предположить, что этот их объективный признак явился мотивационным основанием ФЕ *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* для оценки молодого человека как ‘доброего молодца, удалого молодого’.

Эпитет антропонима «Воспитанный медведем и волком» / «Эһэлээх бөрө шипит уола» тоже вызывает неподдельный интерес. Тут можно предположить, что семантика данной фразы, может быть, связана с шаманскими воззрениями у якутов, т. к. волк и медведь считаются тотемными животными. Также вполне вероятно, что тотемные животные медведь и волк сыграли особую роль в воспитании будущего героя эпоса. Как отмечает Л. Н. Семенова, в олонхо «характер воспитания, воспитателей и мест воспитания безусловно указывают на их связь с представлениями о шаманских инициациях» [26, с. 73]. Также следует учесть тот момент, что в тюрко-монгольских эпосах образ волка представлен воспитателем богатыря, родоначальником, кормильцем осиротевших детей [36, с. 125].

Вообще волк в тюркской культуре предстает символом ‘мужественности, силы и стойкости’. Почти во всех тюркских языках для обозначения волка используется общетюркское слово **bö:ri*, кроме огузских языков, где присутствует другое название волка **ku:rt* [18, с. 160].

А хищного зверя *медведя* в якутском языке называют табуистическим переносом *эһэ* ‘дедушка’, это связано с тотемистическим культом медведя, который характерен для всех сибирских народов [18, с. 159].

Схожий по структуре эпитет можно обнаружить в репертуаре хангаласского олонхосута М. И. Саввина – Ботуоя: *Воспитанный львом Хахсаат Бэргэн, воспитанный орлом Мөрөтөлөөн Сююрюк (Хахай шипит уола Хахсаат Бэргэн, Өксөкү шипит уола Мөрөтөлөөн Сүүрүк).*

«Сойуоданг бухатыыр» («Сойуоданг бухатыыр»)

У олонхосута из села Хоро Верхневиллюйского улуса С. Е. Жиркова – Нёхчогор Суркуоп в репертуаре значится единственное олонхо «Сойуоданг бухатыыр». С эпическим именем *Сойуоданг* олонхо в якутской эпике не наблюдается. Однако близкий по фоноструктуре антропоним *Сойуодуку* находим в олонхо «Даадар Хара» Н. П. Яковлева – Курууппа, шамана из Мегино-Кангаласского улуса. Богатырь абаасы *Сойуодуку Хара* является главным противником богатыря *айыы Даадар Хара* [37, с. 5]. Так, антропонимы *Сойуоданг* и *Сойуодуку*, возможно, образованы от образного глагола *сойуодуй* – ‘быть мрачным, молчаливым, с непроницаемым лицом’ [12, т. 8, с. 500].

Заключение

Таким образом, проведенный нами сравнительный анализ 23 эпических антропонимов (собственных имен) на материале репертуара олонхосутов Верхневиллюйского и Вилюйского улусов позволяет сделать следующие выводы:

В этих улусах Вилюйского региона известны имена эпических героев, которые распространены как в центральной эпической традиции, так и в северной – *Эрэйдээх-буруйдаах Эр Соготох, Эриэдэл Бэргэн, Бэриэт Бэргэн, Аджы-Буджу, Кюн Эрили* и др. Однако широко известное эпическое имя Нюргун Боотур в репертуаре олонхосутов Верхневиллюйского и Вилюйского улусов не обнаружено.

Выявлены эпические антропонимы известные только в центральной и вилюйской эпических традициях – *Джиэрбэнг Бёгё, Кыыс Джуурайа, Юрюнг Кыыртай, Бэйбэлджин Тулаайах, Сыралыма Куо* и др.

Обнаруживаются локальные собственные имена, присущие только вилюйской эпической традиции – *Мунг Саар бухатыыр, Тонг Саар бухатыыр, Кёр Буурай бухатыыр, Босхонг Джулаарый бухатыыр*. Также в рассмотренных собственных именах олонхо показателем богатырства преобладает компонент **бухатыыр*.

Предположение академика П. А. Слепцова о том, что сущность олонхо имеет глубокие истоки в монголоязычном мире, в данной статье о собственных именах олонхо Верхневиллюйского и Вилюйского улусов находит свое подтверждение, т. к. нами установлено, что в составе компонентов эпических антропонимов выявлены лексемы, имеющие прямые лексико-семантические параллели в монгольских языках, и в количественном отношении имеют солидное превосходство над тюркскими языками. Однако для соответствующего исследования необходимы более тщательные и глубокие этимологические экскурсы тех или иных устойчивых и архаичных компонентов собственных имен олонхо.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496 (а).

Список использованных языков:

- монг. – монгольский
- тюрк. – тюркский
- халх. – халхасский
- тув. – тувинский
- чув. – чувашский
- бур. – бурятский
- кирг. – киргизский
- хак. – хакасский

Литература

1. Филиппова Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. – Якутск: Сахапечать, 2016. – 104 с.
2. Никифоров В. М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу: история фиксаций и специфика интерпретаций. – Новосибирск: Наука, 2010. – 139 с.
3. Сайтов У. Г. Современная российская региональная энциклопедистика, особенности ее становления и пути развития // Исторический опыт, актуальные проблемы развития российской региональной энциклопедистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 27-28 сентября 2012 г.). – Уфа: Башк. энцикл., 2012. – 120 с.
4. Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – С. 331-336.
5. Никифоров В. М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. – Новосибирск: Наука, 2002. – 208 с.
6. Кузьмина А. А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.
7. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 2003. – 156 с.
8. Илларионов В. В. Түөлбэ олонхоһуттара: олонхолооһун уратылар: монография. – Дьокуускай: ХИФУ кинигэ кыһата, 2016. – 272 с. (на якутском яз.)
9. Илларионов В. В. Олонхоһуттар тустарынан кылгас сибидиэнньэлэр = Краткие сведения об олонхосутах (приложение дипломной работы). – Якутск, 1973. – 145 с. (на якутском яз.)
10. Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
11. Левин Г. Г. Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII-IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 439 с.
12. Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. 4: К. – 672 с.; 2008. – Т. 5: К. – 616 с.; 2009. – Т. 6: – Л, М, Н. – 519 с.; 2010. – Т. 7: Нь, О, Ө, П. – 519 с.; 2011. – Т. 8: С – сөллөбөр. – 572 с.; 2014. – Т. 11: Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ. – 528 с.; 2015. – Т. 12: Буква У, Ү. – 528 с.
13. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
14. Окладников А. П. Якутский эпос (олонхо), и его связь с югом. – Якутск: Сайдам: 2013. – 64 с.
15. Дьяаны улууһун олонхоһуттара: биобиблиографической ыйынньыктар, ыстатыйалар, ахтыылар; [хомуйан онордулар: И. И. Стручкова, Н. А. Оросина, Р. Н. Анисимов; эппиэттиир ред. Р. Н. Анисимов]. – Дьокуускай: Алаас, 2016. – 320 с. (на якутском яз.)
16. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. фотомеханич. / Пекарский Э. К. – М., 1959.
17. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 376 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
19. Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 239 с.
20. Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. – Новосибирск: Наука, 2014. – 166 с.
21. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 1: А – 680 с.; 2005. – Т. 2: Б – 912 с.; 2006. – Т. 3: Г, Д, Дь, И. – 844 с.
22. Мэнэ-Хангалас олонхоһуттара [хомуйан онордулар: А. М. Апросимов, Ю. П. Борисов, В. В. Обоюкова; эппиэттиир ред. Р. Н. Анисимов]. – Дьокуускай: Алаас, 2013. – 320 с. (на якутском яз.)
23. Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1. 2-я книга. – Якутск: Нац. кн. изд-во Республики Саха (Якутия). – 316 с.
24. Олонхосуты Якутии: справочник / [редкол.: гл. ред. проф. В. Н. Иванов и др.]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – 156 с.
25. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
26. Семенова Л. Н. Семантика эпического пространства и ее роль в сюжетообразовании (на материале якутского эпоса олонхо): дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2000. – 161 с.

27. Пухов И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. – М.: Наука, 1962. – 256 с.
28. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А – Дь).
29. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1978. – Т. II.
30. Диалектологический словарь якутского языка / Отв. ред.: П. С. Афанасьев, В. М. Надеяев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
31. Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро / Эппиэттиир ред. Н. И. Попова. – Дьокуускай: ГЧуоААХНПИ, 2013. – 266 с. – (Образцы народной литературы якутов собранные Э. К. Пекарским). (на якутском яз.)
32. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Гласные. – СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1893. – 1048 с. (2-е изд. фотомеханич. М.: Изд-во восточной литературы, 1963).
33. Тувинско-русский словарь / Сост. Э. Р. Тенишев. – М.: Самиздат, 2008. – 338 с.
34. Хакасско-русский словарь / Под ред. Субраковой О. В. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1115 с.
35. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках / А. М. Щербак // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961. – С. 82-172.
36. Липец Р. С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // Советская этнография. – 1981. – № 1. – С. 120-133.
37. Даадар Хара: олонхо / Н. П. Яковлев-Курууппа ойуун; [редкол.: бас ред. проф. В. Н. Иванов]. – Дьокуускай: ХИФУ Издательской дьиэтэ, 2013. – 296 с. (на якутском яз.)

References

1. Filippova N. I. Sobstvennye imena personazhej v jakutskom jepose oлонho: struktura i semantika. – Jakutsk: Sakhapechat', 2016. – 104 s.
2. Nikiforov V. M. Ot arhaicheskogo oлонho k rannefeodal'nomu jeposu: istorija fiksacij i specifika interpretacij. – Novosibirsk: Nauka, 2010. – 139 s.
3. Saitov U. G. Sovremennaja rossijskaja regional'naja jenciklopedistika, osobennosti ee stanovlenija i puti razvitija // Istoricheskij opyt, aktual'nye problemy razvitija rossijskoj regional'noj jenciklopedistiki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezunar. uchastiem (Ufa, 27-28 sentjabrja 2012 g.). – Ufa: Bashk. jencikl., 2012. – 120 s.
4. Slepcev P. A. Stupeni i problemy jakutskogo jazykoznanija. – Jakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2008. – S. 331-336.
5. Nikiforov V. M. Stadii jepicheskikh kollizij v oлонho: Formy fol'klornoj i knizhnoj transformacii. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 208 s.
6. Kuz'mina A. A. Oлонho Viljujskogo regiona: bytovanie, szuzhetno-kompozicionnaja struktura, obrazy. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 160 s.
7. Putilov B. N. Geroicheskij jepos i dejstvitel'nost'. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 2003. – 156 s.
8. Illarionov V. V. Түөлбө олонһоһуттара: олонһолооһун уратылара: монография. – Д'окуускай: ХИФУ киниге кыһата, 2016. – 272 s. (на якутском яз.)
9. Illarionov V. V. Oлонһоһуттар тустарынан кылгас сибидийен'желер = Kratkie svedenija ob oлонhosutah (prilozhenie diplomnoj raboty). – Jakutsk, 1973. – 145 s. (на якутском яз.)
10. Drevnetjurkskij slovar' / Pod red. V. M. Nadeljaeva, D. M. Nasilova, Je. R. Tenisheva, A. M. Shherbaka. – L.: Nauka, 1969. – 676 s.
11. Levin G. G. Istoricheskaja svjaz' jakutskogo jazyka s drevnimi tjurkskimi jazykami VII-IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tjurkskimi i mongol'skimi jazykami). – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2013. – 439 s.
12. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: V 15 t. / Pod red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – Т. 4: К. – 672 s.; 2008. – Т. 5: К. – 616 s.; 2009. – Т. 6: – L, M, N. – 519 s.; 2010. – Т. 7: N', O, Ø, P. – 519 s.; 2011. – Т. 8: S – sølløjer. – 572 s.; 2014. – Т. 11: Bukva T: tötölөөһ – tjejetjeñnjeje. – 528 s.; 2015. – Т. 12: Bukva U, Y. – 528 s.
13. Emel'janov N. V. Szuzhety oлонho o rodonachal'nikah plemeni. – M.: Nauka, 1990. – 208 s.
14. Okladnikov A. P. Jakutskij jepos (olonho), i ego svjaz' s jugom. – Jakutsk: Sajdam: 2013. – 64 s.
15. Д'аану uluuhun олонһоһуттара: biobibliograficheskaj yjynn'yktar, ystatyjalar, ahtyylar; [homujan оһордудар: I. I. Struchkova, N. A. Orosina, R. N. Anisimov; jeppijettiir red. R. N. Anisimov]. – Д'окуускай: Alaas, 2016. – 320 s. (на якутском яз.)

